

Перевод и редакция: Naides

Солнце жарило всё сильнее, после обеда стало так душно, что легко можно было задохнуться. Хай Ши, казалось, предвидела это, поэтому заранее проинструктировала служанок и отправила всем прохладного супа.

Когда она закончила со своей работой и вернулась в свои покои, то увидела, что её муж закончил есть, и сидит за столом, дует на чашку с тёплым чаем. Хай Ши подошла к нему и произнесла тихим голосом:

— Сейчас так жарко, есть в спешке не слишком хорошо.

— Чем раньше всё будет улажено, тем лучше, — Чанбай поставил чашку с чаем и встал.

Смотря на его измученное лицо, Хай Ши очень огорчилась, но не знала, как его переубедить, поэтому шагнула вперёд, чтобы помочь ему привести в порядок одежду и волосы.

— Пожилая госпожа Ван, уходя, была очень рассержена.

— Если они не хотят слушать, я найду способ, чтобы они услышали, — ответил Чанбай.

— Могу я услышать твоего совета?

Подчинённые Хай Ши тут же замерли, и все они слушали инструкции Чанбая.

— После того, как пообедаешь, отправляйся в зал Шоу'Ань, чтобы служить пожилой госпоже и заменить шестую сестру. Её цвет лица нехороший, она, кажется, очень устала.

— Хорошо, — улыбнулась Хай Ши. — Я могу взять с собой всех детей, чтобы она посмотрела на них. Может, если она увидит их, она будет счастлива и ей станет легче?

— Бабушка всё ещё больна, не стоит беспокоить детей, — покачал головой Чанбай. Затем он вышел из комнаты.

У ворот его уже дожидалась карета и управляющий Лу. Хозяин и слуга отправились по делам.

Госпожа Ван была так обеспокоена, что почти ничего не съела на обед. Она полулежала на кровати луохань, и не могла перестать вздыхать. Дядюшка Ван стоял рядом, держа в руках миску каши из птичьего гнезда. Когда мать и сын услышали, что Чанбай пришёл к ним, они посмотрели друг на друга. Одна поспешно выпрямилась, полная удивления, другой торопливо поставил миску и попросил всех слуг уйти.

Чанбай вошёл в зал и низко поклонился.

— Ты старший сын, хозяин неба, эта старушка не смеет принимать этот поклон! — усмехнулась госпожа Ван. — Неужто того, что случилось днём, было мало, и ты пришёл сюда, чтобы продолжить ругать меня?

— Сегодня ваш внук был груб, — опустив голову, произнёс Чанбай. — Бабушка может злиться, бить и ругать меня, но дела моей тёти нельзя изменить. Я попросил господина Гу отправиться в департамент, чтобы передать прошение, так что я могу отправить её туда как можно скорее. Я прошу бабушку согласиться.

Департамент Шеньцзе не может просто задержать человека, необходимо было, чтобы родственники преступницы и родственники мужа были приглашены прежде, чем поездка туда состоится.

— Пока у меня ещё есть дыхание, я никогда не позволю вам так оскорбить мою старшую дочь! — вспыхнув от гнева, госпожа Ван хлопнула по кровати и выругалась. — Вы хотите, чтобы я согласилась, можете не мечтать!

Чанбай не был удивлён такой реакцией.

— Моя тётя была рождена моей бабушкой, мой сын — мальчик, который воспитывался у моей бабушки, и он также мог пострадать. Думая, что ему придётся терпеть лишения, как я могу не понять? У моей бабушки сердце любящей матери.

— Ты хорошо говоришь! — глаза госпожи Ван были красными, она в гневе отвернулась, отказываясь смотреть на него. — Но вы все издевались над своей тётей!

Чанбай медленно сделал несколько шагов вперёд, встал рядом с кроватью и тяжело вздохнул.

— В том году, когда мой дедушка внезапно умер, вы и пожилой господин Ван были в столице, так что должны хорошо помнить прошлое.

Госпожа Ван продолжала смотреть в сторону и молчать.

— Когда моя бабушка только-только овдовела, старый хоу Юн Йи и его жена также были в столице. Они убеждали мою бабушку снова выйти замуж и оставить семью Шен.

Лицо госпожи Ван всё ещё было мрачным, но её глаза бегали туда-сюда.

— Есть некоторые вещи, о которых ваш внук узнал сильно позже, — тихо вздохнул Чанбай. — На самом деле, семья Сюй уже нашла ей жениха, это был тогдашний губернатор Фуцзяня и Чжецзяня, господин Тан Анянь. Он был вдовцом, учёным второго ранга. Хотя он был немного старше, у него было лишь две законные дочери наложница, бабушке нужно было просто выйти за него замуж и родить ему сына. В будущем она могла бы иметь семью и быть счастлива.

Госпожа Ван промолчала, но дядюшка Ван вздохнул от волнения.

— Семья Тан была родом из Сюнцзяна, пожилая госпожа Шен могла бы жить рядом со своими родственниками и видеть их по праздникам, но она выбрала воспитание сына наложницы, нашего зятя, — он посмотрел на лицо своей матери и осёкся.

— В последние десятилетий моя бабушка не только защищала имущество семьи моего отца, и не жалела своего приданого, чтобы нанимать ему известных учителей и учёных. Когда мой отец собирался жениться, поместье Хоу Юн Йи выразил добрые намерения, но бабушка увидела, что это будет либо девушка из боковой ветви, либо дочь наложницы. Их происхождение и внешность бабушка сочла неудовлетворительными, ради будущего моего отца она разорвала все отношения с семьёй Сюй, и сделала всё, чтобы найти для него удачный брак. Она позаботилась о моей старшей сестре, о моих младших сёстрах, а моём сыне, хотя никто из нас не связан с ней кровью. Один за другим члены семьи Шен получали благосклонность моей бабушки, необъятную и широкую, как горы и океаны. Если мы, сын и внук, простим того, кто почти лишил её дыхания, разве мы всё ещё будем людьми?!

Чанбай сильно ударил кулаком по ладони.

Госпожа Ван не могла не вздохнуть. Пожилая госпожа Шен действительно была честной и добродетельной женщиной, которой не было дела до других. Она могла бы выдать за Шен Хуна девушку из своей семьи, которая помогла бы ей не только сохранить привязанность её семьи, но и была бы хорошо расположена к ней, была бы справедливой и праведной. Другими словами, если бы Шен Хун женился на дочери семьи Сюй, пожилая госпожа Шен не стала бы жертвой ужасного преступления.

— Внук понимает, почему бабушка сердится. Внук хочет жестоко наказать тётку, перечит бабушке, и не заботится о кровном родстве, — продолжил Чанбай. — В те времена столько людей убеждали пожилую госпожу Шен, что ей нет нужды приносить себя в жертву ради тех, с кем она не связана кровью. Оказалось, что и моя тётка думала, что раз мы не связаны кровью, то она может без всяких угрызений совести причинить вред моей бабушке. И ожидала, что отец и сын будут беспокоиться о своём положении и обойдутся с ней мягко, — он вдруг повысил голос и продолжил строгим тоном. — Небеса видят всё это, мы живём подле сына Небес. Неужели вы правда хотите рассказать всем, чтобы вся столица узнала, весь свет узнал, что этот мир полон таких неблагодарных людей?!

Дядя Ван произвольно кивнул. Госпожа Ван, наконец, вздохнула и медленно повернулась.

— Как я могу не понимать, что твоя тётя действительно сильно ошиблась! Но... Но она... Она моя плоть и кровь!

— Разве у моей бабушки всего одна дочь? — спокойно спросил Чанбай.

Госпожа Ван была ошеломлена.

— Когда я был маленьким, моя мать часто рассказывала мне, что её дядя и тётя очень хорошо относились к ней, но больше всего она сожалела о том, что не может жить счастливо вместе со своими родителями, — смотря ей прямо в глаза, продолжил Чанбай. — Играя с детьми соседей, она всегда подвергалась издевательствам, ей говорили, что ей родители не хотели её, поэтому отказались от неё.

— Мне жаль твою мать, я всегда хотела загладить эту свою вину перед ней... — госпожа Ван заплакала, ощутив грусть.

— Моя мать воспитывалась в другой семье более десяти лет, и теперь я вижу, что её родители никогда не любили её, — ответил Чанбай. — И моя тётя совсем не беспокоится о ней.

Госпожа Ван открыла рот, но ничего не смогла возразить.

— В данном случае моя тётя полностью проигнорировала безопасность собственной сестры и даже намеренно подставила её, — разозлился Чанбай. — Моя бабушка продолжает говорить о своей плоти и крови, но разве моя тётя считает, что моя мать — её близкая родственница?

— Старшая сестра зашла слишком далеко, — покачал головой дядюшка Ван. — Даже у меня на этот раз мурашки по коже.

Госпожа Ван посмотрела на сына, затем на сына, и слабо произнесла:

— Тогда нет нужды так сильно её наказывать!.. Департамент Шеньцзе... Я действительно не могу на это пойти...

— Семья моего дедушки всегда была упрямой, когда я был маленьким, я недолго гостил у вас, — ответил Чанбай. — Когда мы с двоюродным братом То лазили по деревьям, чтобы собрать боярышник, мы долго работали и, наконец, собрали половину корзины. Но дедушка попросил нас перебрать её и выбросить половину. Я не мог этого вынести, но он был непреклонен. Он научил нас, сказав: «если вы не выбросите гнилые плоды, вы не сможете сохранить те, что остались не тронутыми — это жизнь, этот же принцип работает по отношению к людям». Я помню эту фразу до сих пор.

Услышав о своём покойном муже, госпожа Ван стала серьёзной и с трудом произнесла.

— Что ты имеешь в виду...

— Моя тётя уже гнилой плод, и если это продолжится, будет вовлечена вся семья.

— Как ты можешь говорить такое своим старшим?! — сердито воскликнула госпожа Ван.

— На протяжении многих лет мой дядя прибирал беспорядок, устроенный моей тётей. Как бы старательно меня не учила бабушка, моя тётя всё равно продолжает заниматься своими делами, ругать своих детей, оскорблять наложниц мужа, избивать служанок и убивать тех, кто ей неугоден, разбрасываясь жизнями людей, будто они ничего не стоят. На этот раз настала очередь моей тётки, она ядовитая женщина! — Чанбай посмотрел на дядю Вана. — Чтобы позаботиться о том, чтобы её не настигли последствия, сколько раз мой дядя жертвовал своим лицом, чтобы просить о помощи или тратил свои деньги, чтобы замять дело, сколько раз совершал множество неправильных вещей? Учитывая способности моего дяди, он давно должен был быть переведён в столицу, но он более десяти лет вынужден был работать в провинциях!

Даже если они были одного ранга, чиновники, служащие в столицы, считались как бы на полранга выше, чем их коллеги, служащие в провинции. Сначала дядя Ван имел более высокий ранг, чем Шен Хун, когда Шен Хун прибыл в столицу, он получил повышение и они стали иметь один ранг, однако в глазах общества Шен Хун уже стоял на полранга выше дяди Вана. Затем он снова получил повышение.

Думая о своей официальной карьере, дядя Ван не мог не грустить, госпожа Ван взглянула на сына, склонила голову и виновато вздохнула.

— Не только мой дядя пострадал, но и двоюродный брат Ю. Я слышал о Кан Юань'эр, — Чанбай пошёл ещё дальше. — Хотя невестка нашей семьи, Венъ Ши, не могла забеременеть несколько лет, она всё же смогла сделать это, однако она хорошо служила своим старшим всё это время. Мой дедушка чётко выразился, говоря о боярышнике в тот раз, и до сих пор моя бабушка вела себя достойно моей тётки.

Она была достойна своей дочери, но не была достойна семьи Ван... Госпожа Ван подумала о своём покойном муже, и её сердце упало.

— Двоюродный брат Ю становится всё старше, бабушка должна больше планировать будущее для семьи Ван, — мягко продолжил Чанбай. — Однако пока моя тётя здесь, она будет продолжать доставлять семье Ван неприятности. Убивает сегодня, травит завтра, когда же она успокоится? Не ужели бабушка собирается и дальше игнорировать дядю, двоюродного брата и будущее семьи Ван? Разве у меня много двоюродных братьев из семьи Ван? Поэтому бабушка готова пожертвовать им, чтобы защитить свою нечестивую дочь? Разве дядя и брат Ю не плоть и кровь моей бабушки?

Чем больше госпожа Ван думала об этом, тем более виноватой она себя чувствовала.

Талант её покойного мужа был действительно выдающимся, его заслуги были признаны, его положение было так высоко, что его посмертная табличка хранилась в павильоне знаменитых служителей, мир до сих пор помнил его имя. Хотя способности его сына были средними, и он не смог выделиться, он всё ещё мог служить как честный чиновник. Пока что имя предка всё ещё могло защитить Ван Ю, но что будет потом?

Видя, какой процветающей становится семья Шен, как их дети и внуки демонстрируют свои способности и сдают императорские экзамены, как их дочери выходят в знатные семьи и они обзаводятся влиятельными родственниками, видя, как их собственная семья становится всё хуже, госпожа Ван испытывала горечь. К тому же, у её внука до сих пор не было детей.

— Может быть, меня нужно отправить в департамент Шеньцзе? — думая о своём честном и почтительном сыне и своём внуке, потрясённо спросила госпожа Ван.

— Это исключено, — категорично произнёс Чанбай. — Туда должна отправиться моя тётя, пренебрегавшая учениями семьи снова и снова. В прошлом она лишь закрывала двери, чтобы творить зло во внутренних покоях, но теперь она становится всё смелее и смелее! Даже если это не её свекровь, семья Шен — благородная семья, и она осмелилась отравить старейшину! Давайте сделаем это. Или вытащим мою тётю на всеобщее обозрение, и поставим её лицом к лицу с её преступлениями. Она думает, ей нечего бояться и уверена, что бабушка спасёт её.

— Но она ведь не сможет выйти... — госпожа Ван плакала, её разум постепенно прояснялся.

— За все её преступления могут казнить пять поколений семьи. Сколько знатных семей особенно строго контролирую своих детей только потому, что бояться оказаться в суде? — Чанбай нежно взял госпожу Ван за плечо и продолжил убеждать. — Моя бабушка может заботиться о двоюродном брате Кан в будущем, вот и всё. Если вы не отправите её туда, дядя Кан обязательно разведётся с ней. Что тогда будет с двоюродными братьями Кан?

Госпожа Ван безмолвно плакала, её мысли путались.

— Даже если я буду сражаться двадцать лет, я никогда не позволю тётю остаться снаружи, — поклонившись, чётко произнёс Чанбай.

Госпожа Ван медленно вытерла слёзы, она знала, что её внук настроен решительно.

— Возможно, ваш дядя не согласится отправить свою жену в Шеньцзе? — нерешительно спросила она.

Но её старший зять уже долгое время ненавидел её старшую дочь. Как только он узнает об этом деле, он тут же подпишет прошение.

— Нет, мой дядя, определённо, согласится, — Чанбай впервые за всё время улыбнулся.

— Как он может согласиться?!

В кабинете отец и сын сидели за одним столом, напротив них стоял кувгин с вином, две тарелки, два блюда с закусками, тарелка с румяной уткой под густым соусом.

Шен Хун действительно выглядел ошеломлённым.

— Хотя твои дядя и тётя муж и жена, они давно как огонь и вода. Теперь, когда у него есть такое хорошее оправдание, чтобы развестись с женой, как он может согласиться?!

Чанбай засучил один рукав, налил вина отцу и медленно ответил:

— В поместье моего дяди есть наложница по имени Цзин, у неё много навыков. Она родила ему детей, пусть и дочерей, но он любит её более десяти лет.

— Может ли быть, что наложницей старого принца некоторое время назад стала дочь наложницы Цзин? — тут же спросил Шен Хун.

Чанбай кивнул, поставил кувшин и тихо продолжил:

— Кто-то из людей хоу Е является доверенным лицом на стороне наложницы Цзин. Неважно, получит моя тётя развод или умрёт, место жены моего дяди опустеет, но что если так будет всегда. Если он женится на ком-то молодом и красивом, как должна вести себя эта наложница Цзин?

— Итак, больше всего эта наложница Цзин хотела бы видеть, чтобы ваша тётя, оставаясь главной женой, существовала только номинально, — медленно произнёс Шен Хун. — Она не только избежит входа новой жены в дом, но, вероятно, будет управлять домом, и её дети будут только в выигрыше.

— Отправив мою тётю в департамент Шеньцзе, мы просто скажем, что она отправилась в деревню, чтобы поправить здоровье, чтобы сохранить репутацию трёх семей, — ответил Чанбай.

Шен Хун улыбнулся, а затем тут же нахмурился.

— Но твой дядя давно хочет развестись с женой, как он может прислушаться к уговорам наложницы?

— Во-первых, дочь наложницы Цзин сейчас очень любима старым принцем, а мой дядя во многом зависит от него. Во-вторых, моему дяде скажут, что семьи Ван и Шен поссорились из-за того, что тётя отравила мою бабушку, что семья Ван полна решимости сохранить ей жизнь и свободу, а семья Шен... — Чанбай улыбнулся. — Я почти полностью уверен, что он согласится.

— Если твой дядя не согласится отправить её в департамент Шеньцзе, то это дело станет крупным и известным во всей столице событием.

— Мой отец скажет ему, что бабушка всё-таки проснулась, но развод нанесёт вред всей его семье и детям, поэтому мы не можем этого вынести.

— Если он не сможет развестись с женой, то, боюсь, твой дядя будет изо всех сил намекать мне, что не может этого вынести.

У дяди Кана не было никаких вещественных доказательств, поэтому он захочет хотя бы просто быстро избавиться от своей жены. Он сможет только притвориться несчастным и сострадающим, чтобы хотя бы больше никогда не видеть её.

— Я не ожидал, что у моего сына будет талант Чен Пина! — улыбувшись, с гордостью произнёс Шен Хун. — Но почему ты так относишься к семье Кан? — полушутливо спросил он.

— Семья Кан — это катастрофа, — строго ответил Чанбай. — Рано или поздно должно было что-то случиться. Мои дядя и отец часто помогали им.

Столь хлопотное дело разрешилось, Шен Хун с радостью выпил две чаши вина, а после недовольно вздохнул.

— Ведь это ваша тётя... Если бы не твоя сестра, которая подняла такой шум, я бы не хотел, чтобы всё закончилось так жестоко.

— Слова отца ужасны, — произнёс Чанбай. — Даже если бы шестая сестра не стала создавать проблем, я должен был бы разобраться с тётушкой Кан.

— ...Почему это?.. — ошеломлённо спросил Шен Хун.

— Может ли быть так, что мой отец хочет, чтобы его шантажировали до конца его жизни? — Чанбай налил ещё одну чашу вина для него. — Этот инцидент произошёл сейчас, если мы не разрешим его, и после кто-то поднимет шум об этом, мой отец окажется в положении, когда все будут говорить, что теперь он просто «глумится над сестрой своей жены, и над её семьёй, будучи неблагодарным и непочтительным, неспособным справиться со своей семьёй». Хорошо, что беда разрешилась именно сейчас, иначе, если бы бабушка умерла сейчас или через несколько лет, после её смерти, когда кто-нибудь непременно бы об этом заговорил, это была бы катастрофа. Если бы мы сохранили свои жизни, у нас всё равно были бы большие

проблемы.

— Этот вопрос был бы закрыт и скрыт, кто стал бы поднимать его снова? — Шен Хун был озадачен, ведь тётушка Кан и семья Ван стремились похоронить этот вопрос.

— В семье Сюй много людей.

— Пожилая госпожа долгое время не общалась с семьёй своих родителей, как семья Сюй может жаловаться? — рассмеялся Шен Хун.

— Что, если здесь есть кто-то из их людей? — равнодушно сказал Чанбай. — Никто не будет упоминать об этом, пока все доказательства ещё свежи, но что если в семье Шен есть шпион? И семья Сюй всё ещё недовольна тобой? Если бы это был я, я бы оставил этот рычаг, и затем вонзил бы нож в критический момент.

Смех Шен Хуна резко оборвался, и когда он задумался об этом, его покрыл холодный пот. Он вспомнил прошлые события. Семья её матери не упускала шанса, чтобы пожаловаться на обиды, и они также всегда находили много благовидных свидетелей.

— Этот вопрос вообще нельзя предавать огласке, — закончил Чанбай. — Не говоря уже о тётушке Кан, они знакомы со множеством людей. Те, кто отвечали за отравление бабушки... Шестая сестра могла замучить их всех до смерти за один день, но она понимает, что всегда найдётся человек со злым умыслом.

Когда Шен Хун был молод, он загадал желание, чтобы его семья была процветающей, а дети и внуки — выдающимися. В будущем, как они могут быть скованы из-за этого дела? Услышав слова своего сына, чем больше он думал о них, тем больше он боялся.

— Более того, говоря о тётушке Кан. Если бы мы отпустили её, она могла бы использовать этот случай, чтобы шантажировать отца в будущем. Она могла бы избавиться от живых свидетелей и, и могла бы сказать, что моя мать отравила свою свекровь, но отец проигнорировал это и скрыл правду ради официальной репутации.

— Как бы она посмела быть такой смелой?! — Шен Хун ударил по столу, он был в ярости.

— Она даже осмелилась прийти в дом своих родственников после того как отравила старейшину, почему бы ей не посметь?

С точки зрения Чанбая тётушка Кан уже давно была безумна, порочна и отвратительна. По её высокомерной логике каждый, кто обижал её, должен был пострадать вдвое сильнее, а любой, кто встанет у неё на пути, должен быть устранин.

— Ради будущего необходимо быстро разобраться со всем этим бардаком, после того как она

окажется в Шеньцзе, если в будущем кто-то упомянет об этом деле, отец сможет быть уверен в том, что настоящий виновник был наказан, а его жена много лет каялась в храме, все жители нашего родного города смогут свидетельствовать, даже если свидетели этого дела будут мертвы. Мы предоставим все доказательства и, учитывая суровое наказание, всё будет в порядке. Также мы разберёмся со всеми людьми, которые окружали мою тётю.

Шен Хун тупо уставился на сына, чувствуя облегчение и гордость. Чем больше он смотрел на него, тем более он казался ему похожим на давно мёртвого пожилого господина Ван. Даже если сказанное было ужасным, когда он говорил об этом, это походило на праведное и рациональное решение, что заставляло восхититься им и убедиться в его правильности.

Хотя больше на Шен Хуна был похож его второй сын, Чанфен, больше всего он доверял своему старшему сыну. Независимо от того, что все его сыновья могли стать чиновниками, двое младших сильно уступали в способностях старшему. В будущем, когда он сильно состарится, семья будет полагаться на его старшего сына, который сможет поддержат их всех. Какой бы плохой не была семья Ван, получить такого способного сына — это всегда большая прибыль.

— Отец не должен сдаваться, мы должны разобраться со всем этим за несколько дней, — продолжил убеждать Чанбай.

— Ты должен запереть тётушку Кан! — Шен Хун сильно ударил по столу, и стиснул зубы. Он был полон решимости.

Чанбай вздохнул с облегчением. Он понимал своего отца гораздо лучше, чем его отец понимал себя. Только практические интересы могли укрепить решимость Шен Хуна.

Выйдя из кабинета, Чанбай неосознанно направился к передней части двора своей матери. Лицо его обдувал прохладный ночной ветер. Он на мгновение задумался, махнул рукой, призывая служанок, стоящих неподалёку, к тишине, и осторожно подошёл к окну. Он уже собирался было войти внутрь и заговорить, как вдруг услышал жалобный всхлип внутри.

— Моя хорошая главная госпожа, не плачьте, — посоветовала Лиу Кун.

— Не пойду! Не пойду! Не пойду, не пойду! — плакала Ван Ши. — Через десять лет я буду старухой! Лучше бы меня просто убили! Злое препятствие! Я родила его, я носила его десять месяцев! А он вынес мне такой приговор!

Старшая служанка Лиу Кун тихо вздохнула.

— Главной госпоже лучше уйти, ваш старший сын сделал это ради вас.

— Как ты можешь так говорить! Я вижу, что ему дороже Шоу'Ань, он готов забыть о своей матери! Бессердечный ублюдок!

— Главная госпожа, подумайте об этом, как следует, — продолжила Лиу Кун. — Вы не наложница, вы главная жена. Когда пожилая госпожа поправится, в будущем только вы сможете служить ей. Разве вы сможете смотреть ей в глаза прямо сейчас? Вы должны сказать своему сыну спасибо, вы будете просто наказаны, а не казнены. Лучше получить строгое наказание, чем лишиться жизни. Вы признаете свои ошибки и вернётесь через несколько лет, об этом случае почти все забудут. Лучше быть наказанным и иметь возможность искупить вину.

Ван Ши долго всхлипывала прежде, чем ответить.

—...Честно говоря, мне будет очень неловко видеть пожилую госпожу, — нерешительно произнесла она. — Но... Что, если она всё ещё будет смущать меня после возвращения?..

— Я не думаю, что пожилая госпожа Шен жестокосердна, — улыбнулась Лиу Кун. — Кроме того, пока вы наказаны, господин и молодой господин смогут разобраться со всем этим. Более того... — её улыбка стала горькой. — Если вы не примете наказание, ваш старший сын может подать в отставку.

— Он уйдёт, потому что ему это не нравится? На самом деле он использует это просто чтобы проще было шантажировать мою мать!

— Главная госпожа, не говорите так, — быстро ответила Лиу Кун. — Вы ведь тоже видели это. Будь то семья Ван или господин, достоинство главной госпожи во второй половине жизни зависит от старшего сына. Если он уйдёт... Теперь Чанфен усердно учится день и ночь. Если он будет достаточно упрям, и станет чиновником, разве не получится, что семья Шен вынуждена будет полностью полагаться на него? Может быть, даже наложница Линь вернётся.

Едва услышав о наложнице Линь, Ван Ши тут же перестала плакать.

— Эта сука спит и видит это! — выругалась она.

— Хорошо, что главная госпожа это понимает. Когда мы отправимся в сельскую местность, в Йоуян, вы должны будете хорошо позаботиться о своём теле. Когда срок вашего наказания истечёт, вы сможете вернуться и жить, как раньше, будучи при этом почтительной к своей свекрови. Она также будет уважать вас за этот поступок, разве не так?

Сердце Ван Ши дрогнуло, когда она подумала об этом.

— Я очень не хочу туда идти! — снова упав на стол, застонала она. — Я не знакома с людьми там, я буду совсем одна...

— Я поеду с главной госпожой.

— Ты... — удивилась и обрадовалась Ван Ши.

Как могла такая порядочная женщина-управляющая покинуть шумную столицу и отправиться вместе с ней в заброшенный храм в сельской местности?

— У моих детей есть свои семьи, они могут жить без меня. Поэтому я буду сопровождать главную госпожу, чтобы вместе с вами читать священные писания и соблюдать пост.

Ван Ши истерически расхохоталась, её лицо было покрыто слезами, её охватила невыносимая скорбь.

— Дорогая сестра, у меня не только чёрное сердце, я ещё и слепа! Какие хорошие слова! Я никогда не слышала таких слов!..

Чанбай стоял у окна, продолжая слушать разговор между своей матерью и Лиу Кун, ещё некоторое время они продолжали говорить, Ван Ши плакала или смеялась. Послушав их некоторое время, он молча ушёл, вышел за пределы двора своей матери и глубоко вздохнул прохладный воздух.

Он по натуре был неразговорчив и, после того как много говорил сегодня, чувствовал себя очень уставшим. Он шёл медленно, опустив голову, и смотря на мягкий лунный свет, падающий на землю. В саду, казалось, было рассыпано серебро. По пути он столкнулся со своим маленьким слугой, Ханню.

— Молодой господин, наконец-то вы вернулись! Госпожа долго ждала вас, я был у привратника, но он сказал, что вы пошли искать главного господина. Я пошёл в кабинет, но там мне сказали, что вы пошли к главной госпоже... — он остановился рядом с Чанбаем.

Чанбай кивнул и посмотрел вперёд. Ханню понял, что это означает «идём домой», и тут же выставил вперёд фонарь, чтобы освещать дорогу. Они прошли всего ничего и, когда подошли к краю пруда, вдруг увидели ещё двух человек, которые шли вдоль пруда. Они двигались очень медленно.

Один высокий и один низкий, один силуэт был похож на мужчину, другой на женщину.

Чанбай остановился, потому что ночь была туманной, и он не мог ясно видеть, и, покачав головой, кинул взгляд в бок. Ханню понял, что это был вопрос, и тут же сказал:

— Это шестая госпожа и её муж, я только что встретил их, когда искал вас по всему поместью. Сегодня ночью прохладно и ярко светит луна, хоу и шестая госпожа пошли на прогулку, чтобы легче переварить пищу.

На самом деле, в это время Минлань была уже очень ленива и просто хотела лечь в кровать и

спать, но Гу Тинье почувствовал, что не сможет хорошо спать, когда слишком сыт, поэтому вытащил её на прогулку.

Чанбай взглянул на пару на противоположной стороне пруда, и некоторое время молча смотрел на них, а затем сел на большой камень неподалёку от пруда.

— Разве вы не собирались вернуться в покои? — Ханню был поражён.

Чанбай кивнул.

— Вы хотите, чтобы я ходил к молодой госпоже?

Чанбай похлопал по большому камню рядом с собой, затем посмотрел на яркую луну в небе.

Ханню использовал всё, чему научился за долгие годы службы Чанбаю, и смело высказал свою догадку:

— Господин имеет в виду... Мне нужно пригласить госпожу тоже... э-э-э полюбоваться луной?

Чанбай снова кивнул и, вытянув левую ногу, постучал по камням на земле.

Ханню ощутил, как его внутренности скручиваются от напряжения.

— Э, ещё вы хотите потом погулять... Ночью прохладно... одеться потеплее?..

Чанбай снова кивнул и, наконец, махнул рукой, отпуская его.

Ханню убежал, обильно обливаясь потом — конечно, его господин сегодня действительно слишком много говорил, и он не знал, сколько дней потребуется, чтобы он вновь захотел открывать рот.

В отличие от него молодая госпожа была такой замечательной.